

Святополк приравнивается к падшему ангелу, которому предопределен ад.

В описании битвы при Альте во второй части «саги» агиографическая точка зрения ослабевает, что вполне понятно; это имеет место уже в древнерусском оригинале.⁷¹ «Сага» Кюхельбекера, начинающаяся сценой бегства, входит по настроению в сценарий, известный нам по думе Рылеева. Гражданский пафос Кюхельбекера находит свое выражение в формулировках, подобных следующим: «Бежит тиран, муж крови, раб боязни».⁷² Ангел мести преследует Святополка. Душа Святополка — «добыча всех мучений», в бешеном его сердце бушует ад. Подобные элементы агиографического картинного языка употребляет Кюхельбекер для изображения душевного состояния антигероя. Ужасающие видения, преследующие Святополка в горах Богемии, череп убиенного Бориса, окровавленный лик Глеба и тень Святослава, толкают, наконец, преступника на самоубийство. И если Кюхельбекер заставляет водопад, в который кинулся Святополк, гневно извергнуть труп братоубийцы, то это является чисто романтической экзальтацией.

Для изображения с агиографической точки зрения особенно подходила судьба вероломно убиенных в Золотой Орде русских князей. Их мученическая кончина рассматривалась как политическая жертва во время национального порабощения русского народа и была в этом смысле воспринята поэзией декабристов, ориентированной на гражданскую государственность. При выборе материала несомненно сыграло роль то обстоятельство, что князья эти были родом из Твери и убиты главным образом из-за интриг Москвы, так что их трагическая судьба в представлении поэтов-декабристов, до некоторой степени, могла быть уподоблена падению Новгорода и Пскова вследствие происков Москвы. Дворянские революционеры в своей борьбе против абсолютизма были склонны безоговорочно симпатизировать тем средневековым удельным княжествам и городским республикам, которые утратили свою независимость в XIV—XV вв., подчинившись Москве.

Подробно описанная Карамзиным трагическая судьба князя Михаила Тверского, убитого в 1318 г. ханом Узбеком в результате коварных интриг московского князя Юрия,⁷³ легла в основу думы Рылеева и исторической баллады А. Бестужева. Следует особо подчеркнуть ясно выраженные агиографические черты в думе Рылеева. С тоской на сердце и со слезами на глазах герой ожидает своей смерти, и это совмещается с патриотическими раздумьями, что отвечало этике декабристов. Михаил клеймит распри и убоицы тех князей, которые ради эгоистических побуждений предают Русь внешним врагам.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!

Слова, вложенные Рылеевым в уста своего средневекового героя, мог бы повторить и дворянский революционер, применяя их ретроспективно к 1812 г.:

«Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней».⁷⁴

⁷¹ Уже в 1798 г. В. Г. Нарезный опубликовал стихотворение «Брега Альгты» (Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. 18, стр. 281—287).

⁷² В. К. Кюхельбекер, стр. 179.

⁷³ Н. М. Карамзин, т. IV, гл. VII.

⁷⁴ К. Ф. Рылеев, стр. 101.